

Михаил Минц

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ РОССИИ (Коллекция аннотаций)

Версия 0, 15 августа 2016 г.

Предисловие

С нынешнего года наш отдел истории наряду с «традиционными» рефератами на новые публикации начинает публиковать также развёрнутые аннотации. Формат мы пока дорабатываем, но в любом случае эти аннотации будут короче, чем обычные рефераты, в них не будет подробно пересказываться содержание аннотируемой книги или статьи. Предполагается, что таким образом нам удастся охватить большее число публикаций при прежнем количестве сотрудников, что весьма актуально, поскольку в постсоветский период численность отдела уменьшилась раза в два, а периодичность реферативного журнала упала с двенадцати до четырёх номеров в год; соответственно, выборка представленных в нём книг и статей в последнее время носит по сути случайный характер. На данный момент работа по составлению аннотаций ведётся в порядке эксперимента, перспективы весьма туманны, но по крайней мере те аннотации, которые уже написаны, стоят того, чтобы выложить их в Интернет.

Поскольку тексты аннотаций довольно короткие, выкладывать я их буду одним PDF-файлом с содержанием в виде закладок. По мере появления новых аннотаций файл будет обновляться, анонс каждого обновления я буду вывешивать у себя в блоге. Последнюю версию коллекции аннотаций вы всегда можете найти на моём сайте <http://michael-mints.ru>.

Бемпорад Э. Статья советским евреем: Большевистский эксперимент в Минске.

Bemporad E. Becoming Soviet Jews: The Bolshevik experiment in Minsk. — Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, 2013. — XIV, 277 p.: ill.

Элиса Бемпорад — профессор истории евреев Восточной Европы и истории Холокоста в колледже Куинс Городского университета Нью-Йорка.

В книге рассматривается история минских евреев в межвоенный период. Большевистская революция ликвидировала прежнюю систему дискриминации евреев, более того — позволи-

---

© М. М. Минц, 2016.

© ИНИОН РАН, 2016.

 Распространяется на условиях лицензии Creative Commons BY-NC-SA 4.0 International («Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях — Всемирная»). Текст лицензии доступен по адресу: <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/deed.ru>.

ла им стать частью новой советской элиты, но в то же время все еврейские общественные и политические организации, не связанные с правящей партией, были уничтожены, религиозные общины также подверглись гонениям. Ценой эмансипации и успешной интеграции в советское общество стал, таким образом, фактический отказ от собственной национальной культуры. Во многих случаях молодое поколение охотно соглашалось на эти условия, поскольку принятие предложенных правил игры давало невиданные ранее возможности для творческой самореализации и карьерного роста. Однако в средних и крупных городах, расположенных на территории бывшей черты оседлости и имевших достаточно многочисленное еврейское население, последнее часто пыталось найти некий компромисс между коммунистической идеологией и собственной традицией, сочетая элементы дореволюционного образа жизни с новшествами советской эпохи.

Еврейское население Минска к 1939 г. достигло 71 тыс. человек, что составляло 30—40% от общего числа жителей. Во многих отношениях это был типичный крупный город в черте оседлости. В то же время, в отличие от всех остальных подобных городов, он стал столицей республики. Здесь размещалось довольно много советских учреждений и новый образ жизни насаждался особенно настойчиво. При этом, однако, даже еврей-коммунисты стремились не столько к ассимиляции, сколько к построению обновлённой, советской, но всё же еврейской культуры. Аналогичную позицию занимали и представители местной культурной элиты. Таким образом, изучение истории минского еврейства позволяет проанализировать различные варианты взаимоотношений между евреями и советской властью во всём их многообразии, проследить пределы возможностей культурной и национальной политики большевиков.

Исследование основано на многочисленных документах и источниках личного происхождения, отложившихся в архивах и библиотеках Минска, Москвы, Иерусалима и Нью-Йорка. Для изучения повседневной жизни минских евреев автор широко использует воспоминания и переписку, а также протоколы партийных ячеек, статистические материалы и др.

На протяжении семи глав монографии рассматриваются история Минска в дореволюционный период, изменения в социальном положении евреев после революции, влияние этих изменений на их повседневную жизнь, взаимодействие новой идеологии с прежним бундовским наследием, расцвет идиша, адаптация религиозных евреев к новым условиям, положение женщин, восприятие минскими евреями начавшихся репрессий и их отношение к событиям, происходившим в 1930-е годы за пределами СССР.

Подводя в заключении итоги своей работы, автор отмечает, что многие тенденции в развитии белорусского еврейства, характерные для 1920-х — 1930-х годов, берут начало ещё в дореволюционный период (урбанизация, секуляризация, изменения в положении женщин, развитие литературы на идише и др.). Советская национальная политика лишь усилила эти процессы. Она дала определённые результаты, в т. ч. и в Минске, но даже после Большого террора они оставались весьма ограниченными. Все еврейские культурные учреждения продолжали функционировать, идиш продолжал использоваться, доля смешанных браков возросла по сравнению с дореволюционным периодом, но оставалась всё же значительно

меньше, чем, например, в Москве. Несмотря на антирелигиозные гонения, в городе по-прежнему действовали больше десяти синагог и все, кто хотел, имели возможность приобрести мацу на Песах.

Ситуация изменилась после начала войны с Германией. За период нацистской оккупации почти всё еврейское население Минска было уничтожено, в освобождённый город из партизанских лесов вернулись лишь 2500 человек, к которым впоследствии присоединились ещё несколько тысяч уцелевших семей из окрестных местечек. Сам город в ходе боёв в 1941 и 1944 гг. был почти полностью разрушен и в дальнейшем по сути отстраивался заново; старинная застройка при этом не восстанавливалась. Интернационализм 1920-х — 1930-х годов после войны сменился государственным антисемитизмом, евреи фактически перестали рассматриваться как «настоящие» советские люди. В отличие от Большого террора, репрессии конца 1940-х — начала 1950-х годов нередко были прямо нацелены против них, в этот период были ликвидированы все еврейские культурные учреждения. Единственная синагога была закрыта в 1964 г., а еврейское кладбище, закрытое в 1951 г., окончательно разрушено в 70-е. Согласно переписи 1959 г., на идише говорили лишь 14% из 38 тыс. минских евреев. Парадоксальным образом, «антисемитизм стал единственным наиболее важным фактором, поддерживающим еврейскую идентичность в Минске» (с. 216).

Иванов А. С. «Изъять, как антисоветский элемент...»: Калмыки в государственной политике (1943—1959 гг.). — М.: Б. и., 2014. — 293 с.: ил.

Книга А. С. Иванова (Сургутский институт нефти и газа) посвящена положению депортированных калмыков, размещённых на спецпоселении в Тюменской и Омской областях. Тюменская область была выделена из состава Омской в 1944 г., на её территории проживала самая большая группа депортированных калмыков — до четверти от общего количества. Автор исследует не только процесс выработки и реализации политических решений, но и восприятие самими калмыками своего положения, их попытки адаптироваться к новым условиям, влияние депортации на их самосознание и менталитет. Хронологически работа охватывает период с 1943 по 1959 г., т. е. с момента депортации до возвращения калмыков на родину. Сама депортация калмыков в книге не рассматривается, вместо этого автор сосредоточился на процессах, происходивших после неё и до сих пор почти не изученных.

Методологическую основу исследования составляют наработки П. Холквиста. Репрессии, в т. ч. по национальному признаку, рассматриваются как «политика, направленная на формирование состава населения посредством интервенций в социальную среду с целью „отсечения злостных элементов“, мешающих построению социалистического общества, и вживления „полезных“, способствующих его развитию» (с. 14).

Исследование основано на документах центральных и местных органов власти, хранящихся в ГАРФ, РГАЭ и ряде местных архивов Тюменской и Омской областей и Ханты-Мансийского автономного округа, воспоминаниях бывших спецпоселенцев (в т. ч. неопубли-

кованных) и интервью, собранных самим автором в 2009—2012 гг. в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, включая интервью как бывших спецпоселенцев, так и контактировавших с ними местных жителей.

Автор приходит к выводу, что депортация калмыков была следствием стереотипного представления партийной верхушки о них как о «больном» народе, якобы заражённом склонностью к бандитизму, которую необходимо ликвидировать. Сама депортация осуществлялась как «чекистско-войсковая операция НКВД» (операция «Улусы») в ответ на сотрудничество части калмыцкого населения с немцами и тем самым аналогична другим депортациям «провинившихся» народов. В то же время в последующие годы ссылка калмыков не воспринималась советскими руководителями как репрессия; скорее, с их точки зрения, это была мера по «улучшению качества» населения, позволявшая к тому же обеспечить тыловые регионы Союза дефицитной рабочей силой. Для ссыльных калмыков не создавались отдельные спецпосёлки, они жили вместе с «обычными» гражданами, для коммунистов и бывших сотрудников НКВД режим ссылки был смягчён, принимались многочисленные решения, направленные на нормализацию отношений между ссыльными и местным населением.

Всё это, а также выделение необходимых продовольственных и промтоварных фондов для снабжения ссыльных, не позволяет рассматривать депортацию калмыков как геноцид или попытку их насильственной маргинализации и ассимиляции. Тем не менее последствия этой политики, основанной на самом грубом нарушении гражданских прав целого народа, были катастрофическими. Количество погибших во время депортации достигло 40% от общей численности калмыков, поскольку снабжение на первых порах было недостаточным и часто запаздывало. Проживание на спецпоселении в качестве подневольной «рабсилы» делало ссыльных людьми второго сорта и оказывало колоссальное травмирующее воздействие. Серьёзный удар был нанесён культурному развитию калмыков, преподавание в школе велось на русском языке без учёта их национальной специфики. Неудивительно, что сами калмыки рассматривают события 1943—1959 гг. как народную трагедию и единственным положительным её итогом считают формирование общекалмыцкой национальной идентичности и преодоление т. н. улусизма, при котором значительная часть калмыков ассоциировала себя скорее с местными общностями, а не с народом в целом. После того, как в конце 1950-х годов режим спецпоселения был отменён, почти все калмыки вернулись на родину.

Кантор Ю. З. Заклятая дружба: Секретное сотрудничество СССР и Германии 20—30-х годов. — М.: РОССПЭН, 2014. — 383 с.

В книге Ю. З. Кантор (Государственный Эрмитаж, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена) анализируются причины советско-германского сближения в 1920-е годы, влияние советско-германского сотрудничества на обороноспособность обеих стран, роль разведки, причины репрессий 1937—1938 гг. в Красной армии, их последствия для военного потенциала СССР и воздействие на его восприятие за рубежом.

Источниковую базу исследования составили документы АВП РФ, Центрального архива ФСБ РФ, РГАСПИ, Архива Внешнеполитического ведомства ФРГ, Федерального военного архива ФРГ, Федерального архива ФРГ, Баварского государственного военного архива и др.

Книга состоит из введения, четырёх глав и заключения; последовательно рассматриваются советско-германское сотрудничество до прихода нацистов к власти, «дело военных» 1937 г., дальнейшее развитие советско-германских отношений в 1930-е годы.

Автор приходит к выводу, что военное сотрудничество между РСФСР/СССР и Германией строилось по принципу «дружбы против общего врага». Советское государство нуждалось в современном вооружении и технологиях для укрепления своей обороноспособности и дальнейшего «революционного расширения границ», Германия искала способы обойти ограничения в области вооружений, наложенные на неё Версальским договором. Наибольшую активность в выстраивании этого сотрудничества проявило советское руководство, что соответствовало ленинской концепции использования противоречий между капиталистическими странами в советских интересах. Значительная роль в налаживании отношений с Германией принадлежала Троцкому, с середины 1920-х годов — Сталину.

Сотрудничество 1920-х — начала 1930-х годов имело большое значение как для советского, так и для германского военного потенциала. Германская сторона получила возможность испытывать танки, самолёты, химическое оружие на советских полигонах и обучать танкистов и лётчиков в секретных школах в Липецке и Казани; СССР получил доступ к германским технологиям, а стажировки красных командиров в Германии и участие немецких наблюдателей в советских военных учениях позволили советским военным значительно повысить свою квалификацию.

Автор не нашла никаких подтверждений тому, что «дело военных» 1937 г. было спровоцировано германскими спецслужбами. По её мнению, причины репрессий в советских вооружённых силах следует искать во внутренней политике Сталина, а целью чисток было подавление профессиональной оппозиции в армии и полное её подчинение политическому руководству. На деле же репрессии привели к отсутствию инициативы, свёртыванию перспективных исследований, разрыву поколений внутри командного состава, который во многом перечеркнул прежний обмен знаниями и опытом с офицерами Рейхсвера.

После прихода Гитлера к власти собственно военное сотрудничество было свёрнуто, но контакты в военно-промышленной сфере продолжались и советская сторона на всём протяжении 1930-х годов стремилась к дальнейшему сближению с Германией, хотя на данном этапе оба государства преследовали уже прямо противоположные цели. Эти усилия советского руководства увенчались в 1939 г. заключением пакта Молотова — Риббентропа.

Мусял Б. «Польская операция» НКВД: кульминация террора против польского меньшинства в Советском Союзе.

Musial B. The 'Polish operation' of the NKVD: the climax of the terror against the Polish minority in the Soviet Union // J. of contemporary history. — 2013. — Vol. 48, № 1. — P. 98—124. — DOI: 10.1177/0022009412461818.

Статья Богдана Мусяла (Университет имени кардинала Стефана Вышинского, Варшава) посвящена репрессиям против поляков в СССР в 1937—1938 гг. В период Большого террора органы госбезопасности осуществили целую серию «национальных операций», объектом которых являлись разнообразные этнические меньшинства, проживавшие в стране. Самой масштабной из них была «польская операция». С августа 1937 по октябрь 1938 г. аресту подверглись свыше 150 тыс. человек, из которых 111 тысяч были вскоре расстреляны. «Польская операция» стала апогеем преследования поляков в Советском Союзе. Автор рассматривает её в общем контексте репрессивной политики сталинского руководства в 1930-е годы и с учётом характерного в этот период для советской партийной верхушки «польского комплекса», порождённого разгромом Красной армии в советско-польской войне 1920 г.

Первые репрессии против поляков имели место ещё в период коллективизации: в сохранившихся источниках зафиксированы случаи, когда основанием для раскулачивания крестьян-поляков была их национальность, а не уровень зажиточности. На протяжении 1930-х годов последовали систематические аресты поляков по обвинению в шпионаже. Решение об окончательной ликвидации «польских диверсионно-шпионских групп» было принято Политбюро 9 августа 1937 г., а 11 августа наркомом внутренних дел Н. И. Ежовым был подписан оперативный приказ № 00485, положивший начало «польской операции». По количеству жертв её превосходила лишь проводившаяся параллельно «кулацкая операция». На долю поляков, составлявших всего 0,4% населения СССР, пришлось 17% расстрелянных во время Большого террора. «Польская операция», таким образом, может рассматриваться как кампания массовых репрессий по этническому признаку и как первый шаг к депортациям «провинившихся» народов в годы Второй мировой войны.

Штайнерт И.-Д. Депортация и принудительный труд: Польские и советские дети в национал-социалистической Германии и в оккупированной Восточной Европе, 1939—1945.

Steinert J.-D. Deportation und Zwangsarbeit: Polnische und sowjetische Kinder im nationalsozialistischen Deutschland und im besetzten Osteuropa, 1939—1945. — Essen: Klartext Verlag, 2013. — 306 S.

Иоганн-Дитер Штайнерт — профессор современной европейской истории в Вулвергемптонском университете, Великобритания.

Книга посвящена судьбам польских и советских детей и подростков, угнанных нацистами на принудительные работы во время Второй мировой войны. В отдельную группу автор выделяет еврейских детей, чей опыт отличается от того, что пришлось пережить их сверстникам — представителям других народов Советского Союза, а также полякам. Только в Германию за годы войны были вывезены до 1 млн. 500 тыс. несовершеннолетних, кроме того, подневольный детский труд широко использовался войсками и оккупационной администрацией непосредственно на территории Польши и в занятых немцами областях СССР. По словам автора, эта тема до сих пор почти не подвергалась комплексному исследованию, несмотря на то, что дети и подростки составляли довольно значительную группу подневольных «восточных рабочих», к тому же их положение было гораздо тяжелее, чем у взрослых. Их воспоминания также заметно отличаются от рассказов представителей более старших поколений, поскольку детская память работает иначе, чем взрослая. Анализ этих воспоминаний позволяет выявить некоторые подробности, которые до сих пор ускользали из поля зрения исследователей.

Источники:

- 1) Документы центральных и местных учреждений Третьего рейха, а также соединений Вермахта, использовавших подневольный труд или принимавших участие в депортациях местного населения на принудительные работы. Комплекс этих документов, по словам автора, отличается значительной фрагментарностью и разбросан по различным германским (Федеральный архив в Берлине, Федеральный военный архив во Фрайбурге), польским, белорусским и украинским архивам.
- 2) Документы польской комиссии по расследованию преступлений нацистов, хранящиеся в варшавском Институте народной памяти.
- 3) Документы Администрации помощи и восстановления Объединённых Наций в Архиве ООН в Нью-Йорке.
- 4) Воспоминания (в т. ч. неопубликованные) и интервью бывших подневольных рабочих, хранящиеся в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне и в институте «Яд ва-Шем» в Иерусалиме, а также материалы устной истории, собранные различными исследовательскими группами уже в 2000-е годы; из последних большинство доступны в Интернете.

Книга состоит из введения, четырёх глав, объединённых в две части, и заключения. Автор последовательно рассматривает механизмы осуществления депортаций; их взаимосвязь с положением на фронте, коллаборационизмом и политикой германизации; условия жизни и труда подневольных рабочих в Германии, Польше и в оккупированной части Советского Союза. Отдельный дополнительный параграф посвящён обстоятельствам освобождения подневольных рабочих советскими войсками.

По наблюдениям автора, польские и советские (в т. ч. еврейские) дети и подростки в созданной нацистами иерархии занимали низшую ступень среди подневольных рабочих. На их долю выпали наиболее жестокое обращение при депортации и наиболее тяжёлые условия

жизни и труда. Принудительный детский труд использовали как военные, так и гражданские структуры, не только собственно в границах Великогерманского рейха, но и в Генерал-губернаторстве (т. е. в Польше), и в оккупированных советских областях, в самых разных отраслях промышленности и сельского хозяйства, в качестве домашней прислуги, даже на строительстве укреплений.

Исследование показало тесную взаимосвязь системы принудительного труда с политикой германизации, осуществлявшейся нацистами сначала на территориях, непосредственно включённых в состав Рейха, а затем и на оккупированных территориях. Так, многие дети, содержащиеся в концлагерях или пристроенные в качестве прислуги в немецкие семьи, рассматривались не только как дармовая рабочая сила, но и как объект для онемечивания.